

Анатолий Маляров

Деньги для путан

1

Наш подстарок, по Пифагору, человек зимы. Помните, до двадцати лет жизни — весна, до сорока — лето, до шестидесяти — осень... А тут за шестьдесят... Подстарок, — это когда вам седьмой десяток, ну, с малым хвостиком. И вы ровенький мужик с прыгающей походкой, бритый и причесанный, с частой оглядкой на молодых женщин, у которых лицо или стать по вашему вкусу.

Подстарок — это Радий Вотуш, Радий Афонич. Прилюдно — такой-сякой литератор, режиссер местного телевидения, а в закутке души — подтоптаный мужичок с распространенным пороком, давно высмеянным в анекдоте:

«Рядовой Тёмкин, что вы думаете, глядя на полотна Айвазовского?»

«Я думаю о половом акте, господин лейтенант».

«Что же вы, деревенщина, в музее думаете о половом акте?»

«А я всегда об этом думаю, господин лейтенант».

И тут — коллизия. Супруга съездила на курорт лечить желудок, а вернулась с манией воздержания. Недалекая врачиха, которая осталась в зоне отдыха распугивать продуктивных женщин, и толстая книжка, которую благоверная привезла домой, внушили впечатлительной женщине страх перед микромиром до того, что она ела только приготовленное дома, пила очищенную, талую воду, руки мыла, не успев прикоснуться к собственному лицу. И совсем веселенькое — объявила великий пост супругу.

Ну, как совместить эти два анекдота, литературный и житейский!?

Терпеть, размышлять можно день, ну, учитывая возраст — неделю, а дальше?

Пошли наблюдения и осмысления. За кордонами и морями устроены заведения для нивелировки подобных казусов. В нашей же раздвоенной, расстроенной и распятой стране еще крепко живет христианская мораль. Впрочем, только на словах и только по одной из десяти Заповедей: не прелюбодействуй. Про «не убий» мы впопыхах забыли, а «не укради» стало забавной шуткой.

Впрочем, если пройтись по Интернету, можно найти дюжину ласковых приглашений окунуться в мир наслаждений, признания твоего «ничего еще» и прочей мишуры. Тут же обольстительные портреты

в рост и в стиле «ню», все молоденькие, хорошей лепки, из давних снов отодвинутого мужичка, повторимся, по табели Пифагора — зимнего.

Решался Вотуш долго. «За» было растущее желание и обида на супругу. «Против» — пропаганда «антиспид» и естественная брезгливость творческого интеллигента и, самое постыдное, — гривна едва от заработка до заработка. Не дурак Афоныч, понимал, что на фото чужой интерьер для рекламных сессий; бикини на девушке — из костюмерной театра и пропитано потом ста предшественниц или взято на прокат от кутюра за счет сутенера. Даже если все атрибуты ее собственность, то они вышли из моды, ошупанные сотней рук впереди идущих и застиранные до линьки.

Когда бес едва не сломал ему ребро окончательно, Вотуш выбрал на мониторе кругленькую блондинку со взбитой прической и умело схваченной купальником пышной грудью. Учел возраст зазывалы и стоимость визита, не разорять же семью капризами тела. Позвонить сразу не решался: стар ведь, откажет, и его душа наполнится презрением к себе. Наконец:

— Я здоровый, чистый мужчина, но пожилой...

Приготовил дальше: «гость вашего города, хочу избежать помех в работе». Не понадобилось,

«Мне без разницы» — был бойкий ответ и тут же короткий перечень услуг, какие ограничения и где нужны резиновые изделия. Подошло.

В обеденный перерыв подстарок смущенно стоял перед воротами старинного двора, озирался, готовился уйти, если еще пять минут... Но щелкнул замок, юркий мужичок выскользнул, пряча глаза, однако боковым зрением смерил Вотуша, попутно заронил мысль: предыдущий клиент.

Прижал створку за спиной, обезопасив себя с тыла, и окинул двор взглядом. Мать родная! Двухэтажные строения, целых четыре, приоткрытые форточки, внизу битые подъезды. В который из них стучать? Справа явилось спасение — оно было в цветном халатике и с мягким голоском: «Мужчина, сюда!» Только у старых итальянцев, в кино, такие сцены в ходу.

Уже в прихожей он плотно прижал спиной еще одну дверь, убеждаясь, что щелкнул замок и опустилась тяжелая портьера. В слабом свете, синем, похожем на отблеск лечебной лампы, стояла девушка не первой молодости, с хорошеньким лицом и излишне тяжелой грудью и вся чужая-чужая. Накопленные греховные желания исподволь уходили. Утешал себя мыслью, что так было и раньше: в одиночестве бес нарастает, но проходит два-три дня поста, и нечистый отпускает, снова же на два-три дня.

И потом, назад дороги нет, неприлично, не цивилизованно.

— Здравствуйте, — совсем по-домашнему сказала девушка. Однако в уголках ее глаз мелькнуло что-то такое, что стукнуло старого Радия по макушке: а ведь эта мерзавка знает его.

— Вот, за ширмой, душ. Освежитесь. — Она торопилась, чтобы ему в голову не пришли худшие подозрения.

Он тоже отмежевался от всего, что мешало тому, за чем он пришел: взял свежее полотенце (незаметно ощупав, даже понюхав, свежее ли) и отчаянно, по-солдатски быстро разделся. Под горячими струями сделал вывод: девушка не его, отдельного индивидуума, знает, а постигла мужчин в целом — и стих его миновал.

Когда весь напряженный Вотуш вошел в спальенку, она стояла уже голенькая. Несколько полноватая и торопливая, наверное, осознавала несовершенство свое, потому свет тут был сильно приглушен, а в углу мелькал красками и источал тихий блюз старый телевизор.

— Меня зовут Ксана. — Явно псевдоним, но это к лучшему. — Располагайтесь...

— Вы располагайтесь, я с дороги посижу.

Вотуш чуть не выдал: вам нужен антракт, так сказать, интермедия после предыдущего акта. Сдержался: не театр все таки. А еще хотелось

ускоренно обвыкнуть и присмотреться. О возможности перехватить болячку он забыл, просто и без веских оснований не спешил.

Улыбаясь невинно, словно она всего лишь хозяйка званого ужина, Ксана легла на спину. Он сел у ее ног и, чтобы не показаться ослом, положил ладонь на ее бритый лобок. Она заполнила паузу признанием:

— Подруга осуждает меня, — шептала глухо. И он уверился, что девушка таки знает его, скрывает знакомство изо всех сил, но находит нужным объясниться.

— Это подруга из зависти. Вы ведь девушка при деньгах, — не найдя ничего умнее, отозвался Радий.

— Да, — виновато спохватилась она. — Гонорар положите на тумбочку.

Понятно, случалось, от нее уходили, не заплатив. Поднялся, шнырял кистями по карманам и мимо, нашел три сотни, небрежно бросил на столешницу, эдак с полным безразличием к тратам.

— Я учительница младших классов... была замужем... — зачем-то рассказывала она. Ах, да, ведь ей кажется, что он тоже помнит ее, она продолжает оправдываться.

Голосок звучал ласково и виновато, впрямь, старшая школьница на первом свидании. Запиналась. Доволен произведенным на нее

впечатлением и вырастая в собственных глазах, Вотуш старался помочь молодой женщине.

— Вы в своей стране нелегалка?

— Как водится.

— Крыша у вас надежная?

— Да, есть.

Хотелось выяснить, из каких слоев сутенер: чиновник, милицейский или цивильный торговец женскими прелестями. Однако много и сразу валить на женщину, и без того сбившуюся в комок, не смел. Рука его усыпляющее витала над интимными складками ее тела, мягко ложилась на живот, принуждала партнершу украдкой двигаться влево и вправо и по-кошачьи мурлыкать.

— Я тебе не в тягость? — Это он.

— Что вы!.. Вы старше и мудрее...

— С чего ты взяла? — второй раз кряду вырвалось у него «на ты», и Бог с ним.

— А вы смакуете женское тело. Многие — коллекционируют.

— Трудитесь и наблюдаете?

— Да, да, у сильного пола чаще бурлят наслаждения иного рода. Скажем, ликуют от чувства превосходства... ну, очередная победа, материал для хмельной бравады... Сплошь и рядом простое желание излить лишнее. Пять-десять минут, а то и с наскока, как петух, и убегает. Ни на что больше мы таким не нужны И редкий гость не

скрывает свою чуткость., то есть, выпытывает, как ты дошла до такой жизни. И совсем единицы хотят обогреть и приподнять женщину. Улавливают и в ней жажду любви, пусть не совсем обычной, ворованной, там, или продажной... Ой, я заболталась!

Надо было откликнуться, но подстарок весь поплыл в сладко замуленном чувстве благодарности. Красивая девчонка изливала ему душу, да в такой изящной форме, что робкие ее изливания укрощали самые сильные его физические порывы. Были слаще их, таких было куда меньше на земле. О вышколе он не подумал. И тут возник следующий, почти цирковой, прием.

Она вдруг тихо завизжала, не то из шалости, не то от восторга. Акробатическим движением оказалась на полу, лицом к его коленям. Носом уткнувшись в его живот, она горячей ладонью толкнула его в грудь.

— Падайте. Падайте и летите долго, долго.

Голыми грудями повела влево и вправо, зацепила все, что можно было задеть, и принялась едва чувствительно, по-младенчески целовать давно набухший отросток.

— Как все это забыто мной! — крикнул он шепотом.

— Когда мужчины это забывают, они скоро старятся, — не отрываясь, она ухитрилась

высказать такую важную мысль.

И правда, ему так бы лететь и лететь. И ничего большего не надо. Когда он стонал, она визжала в обе ноздри, разделяя и умножая наслаждение.

Потом дала отлежаться и придти в себя. В какой-то момент почувствовала, что пауза затянулась, сбивчиво прошептала:

— Вы бываете среди людей, не стыдитесь, и не то, что я, не обходите встречных, чтобы не наткнуться на клиента за пределами... Да и, при удачах, на себя времени не остается. Я... разве что телевизор... Вот, говорят, Юлия метит в президенты... Женщина у власти — уж-жасно!

Вотуш сквозь теплую негу пошутил:

— Но ты же уверена, что ты умнее меня и всех твоих клиентов?

— Из чего вы взяли?

— Режиссируешь встречи, играешь в игру очередного гостя. Догадываешься, где тут коронка.

— А!.. да... так это же что!..

Тут она пересела дальше, на расстоянии рассматривала старика и глубоко спрашивала:

— Из ящика говорят, что Басков ездил на Мальдивы с Волочковой. Они что, спали вместе?

— Чистая ты женщина! Ты полагаешь, что отношения упрощаются только у тебя. У нас, да более, у тех, кто при больших деньгах, разврат

выше всякой ватерлинии!

Ксана смутилась не на шутку, отодвинулась еще, и речь повела не в отвлеченную сторону, а вернулась к тому, в чем она не одну собаку съела:

— Не все любят оральный секс. Вы — гурман. Вы угадали, почувствовали... я ведь больше люблю... так...

И он подумал: нет, тут что-то большее, чем плотская работа. Женщина идет навстречу от полноты сердца. И тут она попала на своего. В какие-то мгновения он старался развенчать эту мысль, мол, профессионалка, поднаторела... И ловил каждое ее движение, каждое слово и звук, чтобы уличить. Но не было отдельных ни движений, ни звуков со словами. Вернее, они были, но только как сопровождение чего-то большого и главного. А что это такое, важное и наполняющее тебя всего, подстарок не догадывался. И прекрасно! Чем меньше называешь явления словами, тем они загадочней и красивей...

Послевкусие важнее вкуса. Прокрадываясь чужим двором на улицу, потом с независимым видом шагая по тротуару, Вотуш чувствовал себя на том самом седьмом небе, о котором пели классики. В голове светло, мир воспринимается с самой веселой стороны и каждая клетка организма молодеет. И ясно же стало, что дома о нем не заботились вовсе. Ведь прежде всего мужику надо

внушить сознание, что он главная, желанная, чрезвычайно важная часть семьи, а не упряжная лошадь, похожая на ту, загодя ослепленную, что ходит в драной шлее вокруг колодца и качает, качает воду. Тогда он, и правда, будет горбатиться и стараться. Надо знать, что у самца, даже подержанного и махнувшего на себя рукой, часты смены настроения, а желания спонтанны. Угадывать их и тут же удовлетворять — святое дело супруги. И никогда его не потянет на сторону. Еще неплохо бы женам скрывать свои малые хлопоты и болячки, все то, в чем мужики не могут помочь... А что у него дома? Придет с работы — ой, забыла принести родниковой воды, сбегай! А двоюродная теща, тетя Двойра, в припряжку: развесь белье, я не дотянусь до веревки. А телевизор? Их два и каждый предназначен, словно заблокирован: для тещи — сериалами, для супруги — политическими разборками. А твой футбол, бокс, специальные программы — все такие прибабасы в расчет не берутся.

И уж совсем плохо к ночи.

— Я сегодня накрутилась: стирка, варка, поход к знахарке. А та советовала против пятницы — ни-ни! Спи на диване.

— Ты вчера не достал денег на куртку, я расстроена, дай отдохнуть от тебя.

— Звонила дочь, они поссорились с

мужем... — и тот же адрес для сна.

А после курорта вовсе отвод.

Какие там уют и ласка? Ради чего вкалывать и унижаться на службе?!

И на полдороги домой выкристаллизовалась мысль: великое дело публичные дома! Ты знаешь, зачем туда идешь и встречают тебя исключительно ради твоей цели. Ничего привходящего и чуждого ласке. Жена хуже, повторял и повторял Вотуш: собирает болячки, сплетни, долги, все про тебя — все такое несет в постель. Он пытался прогнать эту мысль, как назойливую муху, а она возвращалась, становилась во главу рассуждений. Где уж тут протиснуться новизне и восторгу! Ой, как плохо, что приюты любви приватные и вне закона. Поставить бы дело на державную ногу, оснастить комфортом и медициной, подобрать барышень на всякий вкус!.. И счастлив народ, и в казну доход... А нравственность? Если общество развалилось, девять из десяти заповедей Исхода попораны, то почему крайней должна быть самый невинный догмат Моисея? Ведь никаких счетов не предъявляешь супруге, после красивой встряски на стороне, даже любишь ее неким остаточным чувством самца.

Великая странность случилась к ночи. У супруги не было повода огорчаться его поведением — аккурат день зарплаты и вроде бы всю принес

ей. Ужин удался, по телевизору не показывали борзых от власти — только юмор... А он ни разу не взглянул на законную, даже когда она фланировала под самым его носом в одной ночнушке.

На другой вечер — то же. В течение недели Вотуш до того удумался, что пришел к выводу, что он не может изменить Ксане. Неприлично обижать такое красивое, покладистое, нежное, преданное тебе существо, пусть преданность наигранная, как на подмостках, и только на оплаченное время. но артистично. Ну, не может мужик ее вычеркнуть не только из памяти, но и из «послевкусия». Понял это, и его обдало холодом — перепугался в смерть. Может это и есть то самое, что называется разворотом? Не сам поход к путане, а то, что откладывается в душе и ломает взгляд на семью. О, скудный наш менталитет!

Притупилось желание, состояние всего организма стало настороженным, виноватым и слабым. Теперь он боялся смотреть фильмы с эротическими сценами, не оглядывался на жену неглиже. Совсем сдвинулся, когда понял, что все время просматривает улицу на сто шагов вперед, чтобы не встретить Ксану. Ведь никак не сможет отказать себе в новой встрече с нею. Слаб человек.

Да, в загул следует пускаться смолоду, а в подстарках — сиди дома, а то неровен час — сдвинешься и станешь беречь верность не супруге,

но путанее.

Завершение этой главы ни одному пишущему и в голову не пришло бы: супруга крепко полюбила Вотуша за то, что он «зауважал ее и больше никогда не лез к ней со всякими глупостями».

2

Пока Радий Афоныч Вотуш отбывал службу, заботился, за что-то отвечал, кого-то побаивался — душа держалась в теле. Но вот подстарка торжественно вытолкали на пенсию. Получил тысячу восемьсот гривен месячного содержания, завел кредитную карточку. На этом его интеллектуальный труд закончился — супруга отняла карточку и позволила ему думать безотчетно и налегке. Обострилась тяга к... как теперь оказалось, не слабому, а к сильному — женскому полу. При относительной молодости и творческом фарте мужик был замечен и редакторами периодики и дамами бальзаковского возраста. Теперь же редакторы экономили и не платили, сами брали деньги с претендентов на газетные полосы, а дамы, если они еще не совсем потеряли упругость, поворачивались на голос помоложе, чем у Афоныча, и глаз задерживали на плечах пошире, чем у него же. Совсем приуныл старый ловелас. И на склоне лет сделал свое первое открытие. Тянул

службу, писал, вертелся в обществе, ел, воспитывал детей этот индивидуум только частью своего существа. Меньшей. Большая же часть души и плоти либо охотилась за партнершей, либо страдала ее отсутствием. И на это уходили дни и силы. Старик не стыдился своей слабости, даже придумал для нее родословную. Смолоду Радий жил под высоченными лысеющими акациями, только акациями: у земляков не хватало вкуса и потребности заводить другие породы деревьев, да и подсаживать к умирающим тоже не спешили, лень матушка! Всегда ходил парень, потом мужик и, наконец, старик по разбитым тротуарам, переступал через гнутые трамвайные рельсы. Жил, если не в хрущевке, то в панельной девятиэтажке, которая походила на карточный домик и со дня сдачи уже требовала ремонта. Ел Вотуш что Бог подкинет, не курил, не пил — по бедности. Но это все реальность, мир для других. У Радия Вотуша — своя вселенная. В ней до сих пор Лермонтов читает «Мцыри» у Краевского в редакции, объединенным королевством правит Виктория, стоит на плоту в океане Тур Хейердал, на олимп восходит Лина Костенко, к причалу Ниццы рулит яхта Билла Гейтса, а в Новой Зеландии, в огромном Окленде, прохожий пьет прямо из пробегающего мимо ручья.

Фантазии красивей и надежней реальности. Возникает потребность воплотить их... А

поскольку высокая поэзия: преодоление океана на плоту, райские кущи Новой Зеландии и прочая уйма прочитанного, увиденного, переваренного в черепной коробке — есть наслаждение, то оно требовало доступной замены, по-ученому, сублимации. А равным внутреннему миру Вотуша в натуре могла быть только прекрасная женщина в полном обнажении. По причине незначительных физических изъянов и значительных материальных недостатков Афоныч с молодости на красавиц не посягал. Потому и воплотил свои эстетические и эротические мечты в заурядную сотрудницу — исподволь коллектив женил его на ней. С годами она оказалась лидером, а он попал к ней в фарватер. Смолоду дамочка с венчиком комплексов подогнала мужика под себя, а к старости уже топтала, деликатно, но всеми четырьмя. Мечты рассыпались с периода *лета*, по Пифагору. Кое-как слепились они снова к *осени*, с приходом независимости и демократии по-украински, то есть, при тихом и виноватом, а вскоре явном и наглom беззаконии. Можно развернуться. Но оказалось, что возраст не всегда подспорье.

Теперь о возрасте Радия Афоныча говорят: у мужика все лучшее позади и не осталось ничего, кроме денег. Загвоздочка! Денег у него, как не было, так и нет. А потребность в них взбужает. Причина — все та же похоть. Ни, пожалуй,

старость по табели Пифагора (помните: старец, зима, читай — покойник на ходу)... Так вот: ни почтенный возраст, ни усилия супруги отворотить «козлика от огорода», ни умиряющие цитаты Писания, ничто не заглушило заурядной тяги к женщине. О возрасте совершенно противное говорили классики: любви все возрасты покорны. А культура великих держится на уроках Писания. Так что два пункта съедали друг друга. Жена, как и все жены, своей пропагандой только возводила стену неприязни в семье и умножала позывы на сторону. А засилье голеньких девок в Интернете и беспардонные манки уводили от здравого смысла напрочь. Нравственность держалась только на отсутствии денег.

И тут поворот сюжета. Собственно, со следующего абзаца сюжет будет двойным. Сигание в гречку и поиски средств для разбега.

Старый литератор вспомнил о недавно написанной пьесе об Иване Мазепе. Собственно, автор никогда не забывал о ней. Но за четверть века членства в Союзе писателей и производного от сего унижения привык подолгу ждать решения свыше, даже если это «выше» было рядом. Мужик давно нажил поганенькое чувство тщетного ожидания. И порой отказ принимал равноценно подписи на Договоре. В пьесе заложена чудная идея, вся в емком названии «Анафема». И драматический ход

хоть куда! Что-то перенесено с времен «пролеткульта» и «синей блузы». Судят покойного гетмана пристрастные, оголтелые наши современники: прокурор и адвокат, разумеется, с судьей посредине. Каждый излагает свой взгляд на деяния великого отступника, и после каждого монолога радетелей идет сцена из прошлого: иллюстрация и доказательство правоты обвинителя или правоты защитника Мазепы. Редкой находкой драматурга был факт: и сцена «за» и сцена «против» игралась одними и теми же словами. Но расстановка акцентов и оценок сказанного приводила к тому, что в одном случае Иван Степанович предстал преступником, а в другом — героем. Пьеса три недели лежала в портфеле художественного руководителя (он же директор) театра. Пора бы прочесть и дать ответ, желательно положительный. Вотуш — автор апробированный, а директор и режиссер Елиан Иванович Кравец — давний приятель и поклонник опусов Радия. Вот оттуда явятся денежки, а с ними и дорожка к Ксане, по ней можно топтать и топтать, раньше пьесы окупались изрядно. Заповеди Исхода и смущение одинокой души художника утратили силу при явившихся возможностях.

Приемная и кабинет директора походил на райком партии времен гражданской войны (понятно, по совковым спектаклям и фильмам).

Двери распахнуты, люди свободно шастают взад-вперед. И Вотуш свободно прошел в широкий кабинет хозяина театра. Стол завален книгами и подшивками пьес, Компьютер едва выглядывает из вороха. На стенах грамоты, благодарности и, за спиной недавнего коммуниста в угоду вольнодумству — икона святого Николая. Вотуш взболтал внутри себя нагловатый настрой веселенького завсегдатая, — многолетняя дружба тому порукой... — но с порога ахнул:

— Вау!

Повод был нешуточный: на ближнем краю Т-образного стола выстроилось не менее дюжины горластых разномастных, початых и нетронутых бутылок.

— Прошу без аффектов! — отозвался Кравец от дальней стены.

С буйными залысинами, накачанный, пружинистый и, как всегда, наглаженный и не по мужски ароматный, он протягивал обе костистые руки для издавна принятых легких объятий.

— Так моральное же разложение налицо! — как бы заражаясь весельем хозяина воскликнул гость.

— 0, напротив. Искореняем зло. Всему этому добру дорога в мусорный ящик.

— Варум?

— Твой герой Мазепа пришел на «руину» и

поднялся до князя Римской империи, и аз многогрешный ступил в наше растрепанное время, когда зритель не ходит, из стен при воплях со сцены сыплется штукатурка, люстра вот-вот рухнет на головы, а бедный артист третий месяц ждет жалования...

— Ну-ну?

— Есть задумка залатать все дыры и получить высокое знание народного артиста.

— Олл-райт и вери вел! Давай начнем с грандиозной постановки «Анафемы».

— Садись напротив. Поговорим. Впрочем, как исключение, я запрюсь.

Елиан ванькой-встанькой вскочил, что-то крикнул секретарше, захлопнулся и повернул ключ в двери.

— Наливать не будем. Дал зарок. Сделаем паузу и начнем.

Помолчали по-разному: Вотуш с большими надеждами, а Кравец с предродовым напряжением, подергиванием, похожим на схватки.

— Рожай, рожай, свет Иваныч, лопну, — все так же насилуя себя добрым юмором сказал Радий.

— Начну. Чтобы одолеть все мои замыслы... Понимаешь, ремонт стен, установка душевых в гримуборных, одежда сцены, зарплаты... не хватит даже ежедневных аншлагов. Руина и в стране и в душах. Нужен спонсор. Я отчаялся и продал душу

Валзевулу. Обещано столько, сколько мне понадобится.

— Познакомь меня с паном Вальзевулом.

— Ты его знаешь. С экранов телевидения не слезит. Всемогуший. Только он твою душу не купит. Ты — гнилой интеллигент, а ему нужны мужики без комплексов и слабо просвещенные. Когда он приезжал, чтобы овладеть нашим городом, я подкатил, как бы от культуры приветствовать первого человека в стране. Брюхом сразу понял — чмо, на одном гектаре с таким не сел бы. Но в его кулаке власть и гривна. Я прикинулся верноподданным, ел глазами начальство... в общем, заложил душу за сребреники.

— Хватит пугать! Конкретно.

— К высшей власти в стране приходит банда. Пахан и его наперсточники. Сознаю, что театр им до жопы. Но по Гоголю: трибуна, с которой можно сказать много, чего захочешь, всяким проходящим на нашу голову, ой, как подходит. Когда, уже официально избранное первое личико вновь побывало в нашем богоспасенном городе, меня ему представили, как проповедника «русского мира», я тут же намекнул, что у нас «расцветают все цветы», а я особо поливаю все завезенное с северо-востока. И я получил гарантию крупной материальной поддержки и... указание: так держать. Держим,

пока дует с северо-востока.

— Прости, у меня стопорит дыхание.

— Да, ты всегда был догадлив.

— Тут не надо быть предтечей. Понятно, Мазепа не ко времени.

— Мудро сказано: лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

— Кто-то играет по большому, а чубы трещат у маленьких.

— Я понимаю, ты более года рылся в литературе о гетмане...

— Знаешь, о нем написано три тысячи книжек: романов, пьес, поэм...

— И твоя пьеса!.. Десять лет не читал такой драматургии.

— Льстишь, зализываешь?..

— Не только. Обосновываю решение выплатить тебе небольшой аванс.

— Выплатишь и не поставишь?

— Выплачу и спрячу пьесу в репертуарный портфель. До лучших времен.

— Лучшие времена у тебя сегодня.

— Да. Но Мазепа для москаля — перец и соль в глазу.

— Говорят, ты продался публично. В поддержку узурпатору позволил написать с себя портрет выставить в бигбордах.

— Стыдно. Но се ля ви, — как говорят

лягушатники. — Я средневековый шут. Я Счастливец из комедии Островского. — И запел Кравец: — Я душу дьяволу отдам за ночь с процветающим театром!

В затюканной голове Вотуша все вертелась пословица: баре скубуться, а у простаков чубы рвутся. Но его художественная интуиция уже нашептывала: ни рожна ты не добьешься. Извлекай хоть малое. И на выходе пословица звучала так:

— С паршивой овцы хоть фэйф оклок, — и очаровательная улыбка все понимающего приятеля, который явно ничего не теряет. Осталось добавить со всем доступным лицемерием:

— Как человек театра, даже некогда ставивший на сих подмостках свои опусы, я чувствую силу необходимости. Не в дверь, так в форточку, а успех к тебе, Елиан, придет.

Вместо таких уступчивых пассажей, хотелось всплакнуть и материться:

— Когда же ты, свет Иваныч, кинешь хотя бы обещанные крохи аванса? Яйца пухнут, а душу вообще не к чему принайтовать.

Но увы, привычка пропускать удары и с благой миной, как бы свысока, поддерживать против своей воли всякую муть, возобладала и тут.

Кравец не дурак и режиссер со стажем, в душах и ситуациях, в которых болтаются эти души в данную минуту, поднаторел при анализе пьес и

трактовке образов. Легко поднял свое крепенькое, с намечающимся брюшком тело и позвал за собой.

— В бухгалтерии мне положена выплата. Чтобы друг не вышел от меня пустой, я поделюсь с половины. При счастливом случае посчитаемся.

Голову снова окутало каминное тепло: на сегодня деньги в кулаке. Но ниже плеч, в грудной клетке серой наседкой гнезился осадок. Наедине он разрастется, сложится в слова, вроде: полгода старик вынашивал замысел, год читал пуки вампуки — все те дни, стыдясь и наглея, переваривал, как свое. Подбирал слова с двойным дном, так, чтобы ими актер мог сказать и «да» и «нет» — высший пилотаж. А тут бардак в стране, в искусстве, в голове, все на продажу. Слово «ценности» звучит со всех трибун и экранов, но девальвировало, опошлилось. Когда же явится миру истинная ценность, ее смахивают, как ошурки капусты смахивает повариха в мусорное ведро. Елиан не понимает, что откупиться он может, только плюнув в душу художнику... Серость в душе выродится в долгое уныние — один из смертных грехов, по Писанию.

Большого унижения бедный Радий не знал. Но обаятельный лицедей и приятель уже шел впереди. Бог с ним, ведь завтра же возможна Ксана...

Насильно перестраиваясь и думая только о

завтрашнем адюльтере, Вотуш отпустил тормоза, но во дворе театра слегка сгорел. Кравец почти за руку вел его к своей машине и говорил, говорил:

— Надеюсь, ты простишь меня... я изобрету способ компенсировать...

— «Анафема» — мое высшее достижение.

— Я не про «Анафему, тут я откуплюсь. Я твой должник. Я про виражи моей житухи. Вижу твой смурной лоб... Садись в салон, отвезу тебя домой.

Но Радий не двигался, ни в сих-ни в тех, замер и Елиан, и Излишне долго стояли. Наконец Вотушу удалась беззаботная мина на опавшем лице, он сказал, играючи:

— Директор за рулем при безработном — это круто. Но я как-нибудь доберусь городским транспортом.

Разрыв, что ли? После двадцати лет самых теплых отношений и многих совместных работ, разрыв. Отвернутая «Анафема! И отринувший старый приятель...

Домой шагал отвергнутый драматург нарочито легко, словно приподнятый попутным ветерком; остатками душевных сил пробуждал в себе жалкие надежды. И правда, художники, даже маленькие, остаются подростками до последнего вздоха. Рука в кармане теребила купюры: полторы тысячи, почти его пенсия. На сладкозамуленной

волне можно половину отдать супруге. Вот только найти правдоподобное объяснение: откуда гривны? И еще: подсчитать, что останется для Ксаны. Визит или сеанс у нее — триста деревянных. Оставить на два похода, а потом поискать возможности на дальнейшее.

Дома повезло: супруги не было, и Вотуш, совсем оживший от такой удачи, полез в Интернет: кто там еще, кроме Ксаны. Погонял мышкой по трем сайтам, сравнивая и пересчитывая женские лица на экране, рассмеялся: город состоял из одних проституток. Личика, фигурки, снятые в стиле «ню», адреса, телефоны. И самые откровенные призывы к необузданным утехам. Как пишущий и читающий газеты обыватель, он пошутил над коллегами: двое из знакомых щелкоперов специализируются на воспевании деяний полиции. Они осуждают первую древнейшую профессию, доказывают: с каким трудом компетентные органы вылавливают, штрафуют, судят по закону: не ночных и дневных бабочек, больше сутенеров и хозяек злочных притонов. С недавних пор принялись воспитывать штрафом клиентов. Борьба с теневой и стихийно растущей индустрией. Большинство статей начиналось с того, что специалисту удалось найти логово, раскрыть злодеяние, выручить белых и пушистых девочек из рабства... О каких трудах и какой удаче может идти

речь, если подсядешь к Интернету и — лови сетями путан, как сельдь в путину!

Тут же вспомнился городской Голова, по достоверным слухам, посещавший загородный притон. Дальше больше: всплыло лицо депутата, который обошел на выборах своих конкурентов только потому, что заранее установил камеру наблюдения в Центральной гостинице, в известном номере, а потом шантажировал друзей-оппонентов и — вперед и выше!.. А прежняя милиция и нынешняя полиция? Каждый второй притон крышуется полисменом.

За спиной стукнула дверь — малый стресс. Вотуш скрывал от жены свой сугубый интерес к сальным сайтам. Тут же отключил Интернет и выпрямился навстречу супруге.

— А что это ты, желанный, вспрыгиваешь петушком? А что сияешь утренним солнышком? Не гонорарчик ли отхватил?

— Откуда бы! — пытался отвернуться и насупиться Вотуш.

— Ну-ну, сорок лет одним миром мажемся, нюхом чую.

Джинсы у «желанного» тесные, ладонь едва протиснулась в карман. Пальцы щупали купюры и отделяли пополам — баш на баш. Когда процедура удалась, Вотуш бодренько вынул половину добычи, оказалось — большую и вскинул над головой.